90 ЛЕТ «ОРЛОВСКОЙ ПРАВДЕ»

Василий БУНЯЕВ

НА ГРАНИ СМЕРТИ

Василий Семенович Буняев… В первом томе книги памяти жертв политических репрессий «Реквием» о нем лишь несколько строк: родился в 1908 году, аспирант Орловского пединститута, арестован в 1938 году, приговорен к 20 годам лишения свободы. Несколько строк и вся жизнь… Лукавы эти короткие и сухие строки! Во-первых, Буняев был аспирантом не Орловского, а Ленинградского пединститута. А во-вторых, в довоенном Орле Василия Семеновича все прекрасно знали как ответственного секретаря «Орловской правды» — здесь он работал до того, как «уйти в науку». Помнили его и в Курске, Воронеже, где он трудился в газетных редакциях на рубеже 1920 — 1930-х годов… Буняеву, можно сказать, повезло: он всё-таки выжил в мясорубке репрессий и на склоне лет написал воспоминания о тех страшных днях. Это редкий документ, ведь никто из множества репрессированных журналистов «Орловской правды» не смог рассказать о том, как это было…

Весной 1938 года я, аспирант Ленинградского педагогического института имени Герцена, закончил работу над диссертацией и на лето уехал в Орел к жене. Строили планы дальнейшей жизни в связи с намечавшимся переездом в Ленинград после защиты. Директор института согласился с предложением моего руководителя профессора В.А. Десницкого оставить меня на кафедре для чтения лекций по зарубежной литературе и продолжения научной работы.

Но в начале июля в Орле меня внезапно арестовали и водворили в городскую тюрьму. В переполненной камере находилось человек 80—90. Меня потряс вид людей — как будто бы они с того света, прошли все круги Дантова ада. Коротко остриженные головы, истощенные лица, потухшие глаза… Один протиснулся ко мне: «Вы Буняев? Не узнаете меня? Я — Макаров, приезжал к вам в Курск, когда вы там работали в газете».

Я вспомнил. Тогда это был плотный сорокалетний блондин с золотистым чубом густых волос, приветливой улыбкой. Энергичный, жизнелюбивый. Припомнил и разговор с ним года три назад, когда он убежденно говорил, что счастлив работать под руководством Сталина, считает себя его верным учеником, безгранично ему верит. Сейчас передо мною стоял измочаленный, перепуганный человек, изможденный пытками и голодом.

«Я уже второй год за решеткой, — говорил Макаров. — Похлебал баланды в Лефортове и Бутырках. Приговорили к 15 годам, теперь привезли сюда, пока не знаю зачем. Советую не сопротивляться, подписывать все. Иначе попадете под конвейер пыток. Я все отрицал, сопротивлялся, пока не сломали пытками, избиениями. «Отсюда не выходят, а выносят», — говорили следователи, и это правда…». Я и верил ему и не верил. Пытки? Это было непостижимо.

Из городской тюрьмы меня вскоре перевели в Орловский централ. Здесь в небольшой камере было еще двое. Один — Михайловский, профессор медицинского института, другой — Гааке, начальник оперативного отдела штаба Орловской дивизии. Закончив кадетский корпус, Гааке сражался в армии Брусилова в мировую войну. В семнадцатом стал большевиком, воевал в гражданскую, затем окончил военную академию. Гааке и Михайловский подробно рассказывали о мучениях, через которые им пришлось пройти. Оба мои сокамерника уже были сломлены следствием и ни на что хорошее в своей судьбе не надеялись.

Неожиданно одним из дежурных надзирателей оказался Николай Петров. Он жил в небольшом флигеле в нашем дворе. Мы не раз разговаривали, но он никогда не говорил, что работает в тюрьме. Мне показалось, что знакомый надзиратель сочувственно посмотрел на меня. А вернувшись с прогулки, увидел, что мой обед был прикрыт носовым платком. «Чтобы не остыл», — шепнул Петров.

Михайловский посоветовал разойтись с женой, чтобы спасти ее. Иначе она окажется в лагере, как член семьи врага народа. «Попробуйте передать через надзирателя записку», — сказал он. Поддержал его и Гааке. Я долго колебался. Ведь Вера любит меня, верит. Такая просьба может заставить ее засомневаться в моей честности. И все же решился. Слишком убедительны были доводы моих сокамерников. Петров согласился передать записку, дал карандаш и листок бумаги. Я написал, что не хочу, чтобы она из-за меня испытала страшную судьбу, и просил немедленно подать заявление о разводе. Через сутки Петров принес ответ: «Верна, верю и буду верить тебе. Правда восторжествует, и тебя освободят. Заявление не подам». Трижды передавал я с Петровым записки жене, но лишь когда я написал, что ей грозит лагерь, Вера ответила: «Плачу ежедневно. Не сплю. Сердце и душа испепелены. Сегодня подала на развод. Люблю и буду ждать».

Судьба жены сложилась трагически. Она, член партии, работала в городском партийном архиве и в момент вторжения гитлеровцев в Орел лежала в больнице с воспалением легких. Эвакуация горкома прошла в отчаянной спешке, и о Вере забыли. Кто-то донес гестаповцам о находящейся в больнице коммунистке. Ночью ее схватили, увезли и затем повесили. Узнал я об этом спустя годы, когда удалось установить связь со своей сестрой Лизой.

Первый допрос был, к моему удивлению, весьма вежливым и не имел ничего общего с тем, о чем меня предупреждали сокамерники. Следователь Радищев представился, пригласил сесть, предложил папиросы. Задал несколько вопросов о моих отношениях с бывшим секретарем Воронежского обкома партии Иосифом Михайловичем Варейкисом, называл его организатором «Запасного параллельного правотроцкистского центра». Когда я сказал, что Варейкис был членом ЦК и правительства, награжден орденами, Радищев выдвинул ящик письменного стола и сказал, показывая на лежавшие там награды: «Это железки, которые мы сняли с мундиров и пиджаков врагов народа…». «Но они же не сами себя награждали…» — «Вы встали на неправильный путь. Подумайте. Ведь нам все известно о вашей организации. Время у вас пока еще есть. Думайте!» И вернул меня в камеру.

Поздно ночью следователь вызвал меня вторично и теперь разговаривал уже более резко. Спрашивал, почему я помог устроиться на работу высланному из Москвы троцкисту Меклеру, интересовался некоторыми эпизодами из жизни курского театра, для которого я в свое время написал комментарии к постановкам пьес Островского и Горького. Вдруг обвинил в помощи в контрреволюционной деятельности бывшему секретарю Курского обкома Иванову, когда я был одним из его референтов. Под конец следователь снова посоветовал мне подумать и отправил в одиночку.

Вызвал меня Радищев лишь через две недели. «Понравился наш санаторий? — спросил он, насмешливо улыбаясь. — Он помогает принять правильное решение. Подумали?» — «Думал много… Но ничего нового сказать не могу…»

На этот раз меня водворили в мрачное помещение в подвале с полом, полностью залитым водой. Сколько пробыл здесь — не знаю. Время и пространство превратились в нечто аморфное, серое. Все внешние звуки исчезли. Какая-то бездонная пучина всасывала меня, я ощущал свою полную беспомощность и обрадовался, когда наконец повели на допрос, оказавшийся очной ставкой. С Львом Лином-Казакевичем я работал в редакции «Орловской правды». С землисто-серым лицом, согнувшийся, говорил глухо и, запинаясь, подтвердил, что в 1936 году я предложил ему войти в правотроцкистскую организацию для свержения режима Сталина, предупредив, что в случае отказа он будет уволен с работы.

«Это ложь!» — перебил я его. «Не мешайте вести следствие! — оборвал меня Радищев. — Значит, вы не подтверждаете показаний Казакевича?» — «Это ложь».

На этом очная ставка прекратилась. А спустя пять дней Радищев встретил меня предложением выпить чашечку кофе с пирожным. Я удивленно смотрел на него, а он продолжал: «Сегодня принято решение о вашем расстреле как нераскаявшегося врага народа. Перед этим, по старой традиции, мы обязаны удовлетворить ваше последнее желание…».

Я был потрясен. Без суда, без проверки… За что? Пробормотал, что у меня нет никаких желаний.

«Напрасно! Другие даже с удовольствием закусывали деликатесами. А конец будет мгновенным, даже боли не почувствуете».

Подойдя к двери, Радищев вызвал конвой, и в кабинет вошли два человека с револьверами в руках. «Уведите заключенного в подвал и выполните приказ»,— распорядился Радищев.

Меня провели мимо нескольких комнат, из которых слышались стоны, крики и глухие удары. Мясорубка работала непрерывно. Потом мы спустились в подвал, скудно освещенный и абсолютно пустой.

«Повернись к стене!» — приказал один из конвоиров.

Меня сковало какое-то странное безразличие. Мелькали хаотические обрывки мыслей. Кажется, припомнились сельская школа, в которой когда-то учительствовал, что-то из газетной работы… А сейчас конец всему! Небытие…

Щелкнули взводимые курки. Сознание мое почти парализовалось, и вдруг я услышал: «Успеем еще прикончить этого подлеца! Повернись!». И меня вернули к следователю.

«Ну как, понравилось?» — весело спросил Радищев. Преодолевая страх, скованность, потрясение, я ответил: «Для меня было бы легче лежать бездыханным на полу в подвале, чем сейчас сидеть на этом стуле». «Вижу, что наша игра перепугала вас. Вы побледнели, руки дрожат. Может, теперь все же станете более откровенным и расскажете, как бывший командир Казанского полка на Дальнем Востоке кореец Тен Хи Ше завербовал вас в агенты японской разведки?» — «Это фантазия, выдумка…» — «И сейчас не хотите говорить правду? Добьемся. У нас хватит средств. Для начала сейчас применим самое легкое, поиграем в футбол».

Радищев нажал кнопку настольного звонка, и в кабинет вошли четыре человека боксерского телосложения. На них были рубашки с короткими рукавами. Каждый занял свой угол, и они начали перебрасывать меня друг другу подобно мячу. Только тут я заметил, что пол натерт воском и очень скользкий. Били по плечам, бокам, ягодицам, куда придется. Я падал. Терял сознание. Тогда давали стакан воды и продолжали экзекуцию. Сколько это длилось? Не знаю. Вконец измочаленного, меня посадили на стул.

«Сейчас вас отведут в ваш дворец. Посидите, подумайте. Зачем обрекать себя на дальнейшие муки? Поймите, это только начало».

Тишина в камере несколько успокоила меня. Болело и ныло все тело, но мысли постепенно стали приходить в какую-то норму. Не вызывали меня довольно долго. Наверное, две или три недели. О чем же я размышлял в эти бесконечно тянувшиеся дни и бессонные ночи? Главным образом о том, как быть, есть ли у меня какой-либо выход. Перебирал в памяти события, развернувшиеся в стране, вспоминал процессы с их ужасными обвинениями и признаниями обвиняемых, каждодневные разоблачения в газетах, страх и подозрительность, охватывавшие все более широкие массы. И все время мысли возвращались к угрозам Радищева, полностью подтверждавшим то, о чем предупреждали меня мои первые сокамерники. «Выдержу ли неизбежно предстоящие муки? Поможет ли мне сопротивление? Радищев — исполнитель, он обязан любыми средствами выполнить данный ему приказ, арсенал у него для этого достаточный. А на суде я все разоблачу, докажу свою невиновность». Так я пришел к решению подписать все, что предложил следователь, какие бы нелепости в них ни заключались.

Когда дней через 10 меня снова вызвал Радищев, я сразу заявил, что согласен все подписать, любые обвинения. Радищев несколько секунд удивленно смотрел на меня, а потом радостно воскликнул: «Молодец! Ах, какой молодчага! Герой! Давно бы так… Значит, признаете, что являетесь агентом японской разведки, активным членом правотроцкистского блока, подручным врагов народа Варейкиса и Иванова?» — «Все подпишу». — «Ну, тогда мы устроим для вас после подписи лукумский пир!» — «Не лукумский, а лукулловский… Но я ничего не хочу…» — «Думал, что это выражение происходит от рахат-лукума, но где же состязаться с вами, филологами», — улыбнулся Радищев и положил передо мной папку.

Не читая, я подписал все ее страницы.

В ожидании суда я много размышлял: «А что если суд примет все обвинения? Капкан захлопнется, и гибель тогда неизбежна. Но как не хочется умирать так рано, в 30 лет». Иногда меня охватывал биологический, животный ужас при мысли о физической гибели, начинали дрожать руки, сердце сжимала ледяная тоска. Неужели исчезнут для меня голубое небо, зеленые леса, горные хребты, философия Гете и ритмы Бетховена, строки Байрона и мелодии Вагнера — все, чем я жил, что любил? Я твердо решил, что буду на суде добиваться правды, скажу о методах следствия, бездушии прокурора, подписавшего отдачу меня под суд, даже не поговорив со мной ни разу, и напряженно ждал вызова в суд.

17 февраля 1939 года меня привезли в хорошо мне известное здание на центральной площади, рядом с горкомом партии, горсоветом и редакцией газеты «Орловская правда». У входа стояли два солдата. Еще два на повороте лестницы и двое у дверей зала заседаний. Большая прямоугольная комната была пуста. Впереди стояли стол, покрытый красным сукном, небольшая кафедра, два маленьких столика. Центр комнаты занимали несколько рядов скамеек, а в левом углу небольшое место с двумя стульями было огорожено невысокими деревянными перегородками. Один из конвоиров молча пальцем показал мне на стул в этом загоне.

Два солдата ввели Льва Лина-Казакевича. Он уселся рядом и прошептал: «Здравствуй!». «Здравствуй, Лев. Нас могут приговорить к расстрелу, — также прошептал я. — Но мы должны сказать правду…». Он кивнул головой и закрыл глаза.

«Встать! Суд идет!» — зычно крикнул секретарь, вошедший чуть раньше. Охранники, теперь их было уже четверо, вытянулись по стойке «Смирно!», мы с Лином привстали.

Из боковой двери в зал вошли четыре человека. Один, тучный, с багровым лицом, председатель военного трибунала Орловского военного округа Марченко. Он болел тиком, и левый глаз у него периодически дергался. Рядом с ним сели два заседателя. Сухопарый прокурор легко опустился на сиденье у своего столика. Ни адвоката, ни свидетелей не было.

Секретарь зачитал обвинение по пунктам 6, 10 и 11 58-й статьи. Первым Марченко обратился к Казакевичу. Я с волнением смотрел на Льва. Он мельком взглянул на меня и проговорил: «Не признаю». «Но вы же признались на следствии и сами все подписали?» — «Меня заставил следователь…» «Испугавшись наказания, вы пытаетесь ввести суд в заблуждение, — сказал Марченко. — Ничего из этого у вас не выйдет!».

Потом наступила моя очередь.

«Василий Семенович Буняев, признаете ли себя виновным в преступлениях, о которых вы так детально сообщили следователю?» — спросил Марченко и показал на лежавшую перед ним папку. «Вы судите невиновного человека. Я ничего не писал следователю, а, доведенный до отчаяния пытками, был вынужден подписать лживое сочинение Радищева».— «Не клевещите на следователя!» — «Я говорю правду». «Лучше расскажите нам о своих связях с Варейкисом и Ивановым. Вам было известно, конечно, что они были врагами народа и вели антипартийную деятельность?»—зло спросил один из заседателей. «Я знал их как честных большевиков. Варейкис был членом ЦК, Иванов членом правительства, они никогда не входили в антипартийные блоки, честно работали». «Честных людей в нашей стране не арестовывают!» — раздраженно сказал второй заседатель.

Прокурор говорил сухо и монотонно. Его речь была насыщена словами «враги народа», «преступники и злодеи», «люди без совести и стыда», «троцкистские и бухаринские подонки». В заключение он потребовал применить ко мне и Лину-Казакевичу высшую меру наказания — расстрел.

В последнем слове Лин говорил бессвязно, просил пощадить его, молодого человека, никогда не совершавшего государственных преступлений. Речь его заняла всего несколько минут. Я говорил чуть подольше. В этой предсмертной речи сказал, что являюсь комсомольцем с 1925 года и коммунистом с 1930-го. Отец — батрак, в семье было семеро детей. Старшего брата застрелил на турецком фронте офицер за чтение большевистской газеты «Окопная правда». Второй брат погиб на фронте в гражданскую войну. Мать запороли деникинцы на церковной площади на глазах односельчан за то, что она была матерью комиссара. Мне Советская власть дала образование, открыла дорогу в жизнь. Я работал сельским учителем, потом — в печати. Я — убежденный сторонник марксистско-ленинского мировоззрения…

«Прекратите свою болтовню», — перебил меня Марченко.

«Я хочу покинуть нашу землю честным человеком…»

Суд удалился на совещание. Лев был в состоянии прострации, когда через полчаса нас обоих приговорили к расстрелу.

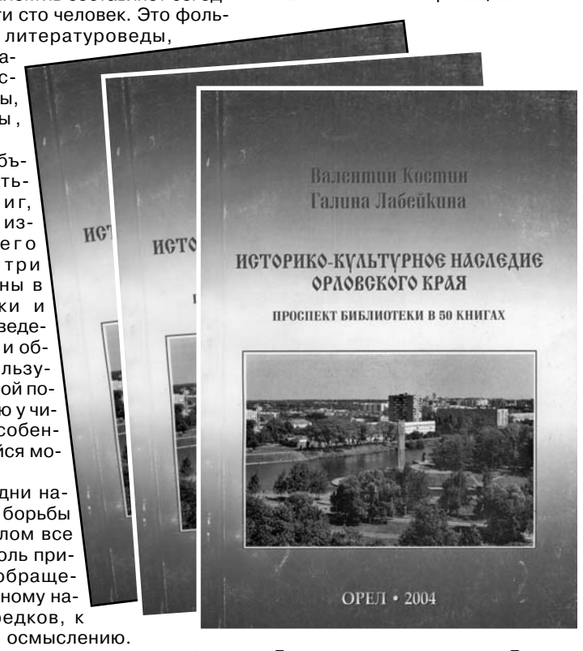
(Продолжение следует).

Орловский проект — лучший в России

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Многие российские издательства представили прекрасные книги, но никто — целую серию из сорока книг. Аналогов этому в нашей стране нет.

А обязан Орел этим интеллектуальным проектом Валентину Ивановичу Костину, доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой историко-культурного наследия Орловского государственного университета, который не только написал первые три книги серии, но и воодушевил замыслом лучших представителей творческой интеллигенции города, нашел единомышленников даже за пределами России. Авторский коллектив составляет сегодня уже почти сто человек. Это фольклористы, литературоведы, музейные работники, искусствоведы, краеведы, историки.



Серия объединит пятьдесят книг, сорок уже изданы всего лишь за три года, отданы в библиотеки и учебные заведения города и области и пользуются большой популярностью у читателей, особенно у учащейся молодежи.

В наши дни напряженной борьбы добра со злом все большую роль приобретает обращение к духовному наследию предков, к новому его осмыслению. Тургенев и Лесков, Тютчев и Фет, Бунин и Андреев, Пришвин и Зайцев выразили свою взволнованную любовь к малой родине такими приемами и словами, что их острое осознание своей нравственной ответственности перед Отечеством тревожит и сегодня.

О них, всемирно известных сынах России, и рассказали прежде всего книги серии. Прослежены параллели орловских писателей с творчеством литераторов Западной Европы и Азии, представлены интереснейшие монографии об истории орловских потомственных дворян, о песенных родниках Орловщины, определены жанры детского фольклора, рассказаны биографии поэта и воина Дениса Давыдова, философов Бахтина, Данилевского, исследованы этапы становления и развития Орловского драматического театра… Словом, что ни книга, то маленькое открытие!

Потому решение жюри Всероссийского конкурса было единогласным. Первыми лауреатами были названы Валентин Костин, автор проекта, и Александр Воробьев, его исполнитель, директор издательства «Орлик».

Среди лауреатов первым значится имя Галины Борисовны Курляндской. Ее книге «Раздумья» не было конкурентов в гуманитарном цикле. Она представляет итог пятидесятилетней исследовательской работы над творчеством писателей-орловцев.

Лауреатами конкурса «Лучшая книга-2007» стали: Лидия Ивановна Скокова — «Родословные корни Ивана Тургенева», Елена Михайловна Криволапова — «Зинаида Гиппиус: преодолеть без утешенья», Наталья Алексеевна Меркурьева — «Михаил Пришвин: онтология всеединства», Владимир Алексеевич Власов — «Дворянская усадьба Бунино».

Н. БЕРУЛАВА.
Президент Фонда развития отечественного образования, академик Российской академии образования.

От редакции. 12 октября в 14 часов в библиотеке имени И.А. Бунина состоится чествование лауреатов конкурса.

Клуб замечательных земляков

Вчера на областной станции детского и юношеского туризма и экскурсий состоялось открытие клуба замечательных земляков. Теперь раз в две недели этот клуб будет принимать известных людей нашего города, и учащиеся орловских школ смогут задать им любые вопросы. Это будут спортсмены, краеведы, писатели, журналисты, актеры…

На открытии клуба присутствовал известный поэт, писатель и краевед, лауреат Всероссийской премии имени Н.М. Карамзина Василий Михайлович Катанов. Он рассказывал о своем творческом пути, об отношении к жизни, о литературных пристрастиях. Учащиеся 2, 5, 6-х классов школ города задавали писателю вопросы, читали его стихи.

В разговоре с детьми В.М. Катанов особенно отмечал важность изучения истории родного края. Писатель напомнил детям слова из эпиграфа к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: «Береги честь смолоду…», тем самым акцентируя внимание школьников на подзабытом, к сожалению, в наше время понятии чести.

На вопрос ребят: «Какой самый яркий день вашего детства?», В.М. Катанов ответил так: «Находясь в оккупации, мы, будучи детьми, увидели наших солдат-освободителей. Надо было видеть нашу детскую радость в тот момент…».

Марьяна МИЩЕНКО.
Фото автора.